

УДК 340;342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-56-60

**ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО, ЗАРУБЕЖНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА**

канд. юрид. наук, доц. Д.Г. ВАСИЛЕВИЧ
(Университет Национальной академии наук Беларуси, Минск)
e-mail: Dmitry8157@gmail.com

В статье исследуется ряд аспектов, касающихся целей, оснований и пределов ограничения соматических прав человека, то есть прав, связанных с распоряжением человеком своим телом. На национальном конституционном уровне соматические права человека в качестве субъективных прав подробно закреплены не так широко, но получают свое отражение в актах текущего законодательства. Подчеркивается, что не все соматические права относятся к категории абсолютных, они могут быть ограничены. Проблема заключается в интерпретации существующих правил. При этом важно обеспечивать конституционную законность. В случае установления ограничений прав и свобод следует руководствоваться такими стандартами, как объективная необходимость введения ограничений, исключение дискриминации, соблюдение допустимых пределов ограничений.

Ключевые слова: *соматические права, ограничение соматических прав, цели, основания и пределы ограничения прав.*

Введение. Традиционно в науке и учебной литературе как источнике, отражающем сложившийся стандарт того или иного явления, выделяли три поколения прав человека: личные и политические; социально-экономические и социально-культурные; коллективные права. В современный период развития человечества с учетом достижений науки, прежде всего биомедицины, можно вести речь о четвертом поколении прав человека – соматических правах. Данные права связаны с решением многих вопросов, касающихся продолжения рода человечества, репродуктивных правах – ЭКО, суррогатное материнство, трансплантация органов и тканей человека и др. Наблюдается взаимообусловленный процесс возникновения соответствующих прав и их правового обеспечения, формируются международно-правовые стандарты и институты в области этих прав, расширяются возможности использования информационных технологий для реализации соматических прав. Многие соматические права еще не приобрели статуса общепризнанных, но постепенно происходит сближение позиций. В качестве примера можно привести Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека.

На национальном конституционном уровне соматические права человека в качестве субъективных прав подробно закреплены не так широко, но положения о них содержатся в текстах конституций некоторых государств. Например, в Конституции Андорры (ст. 14) закреплено право на уважение частной жизни, Конституции Бельгии (ст. 22) – право ребенка на уважение сексуальной неприкосновенности, Конституции Боснии и Герцеговины (ст. II) – право вступать в брак и основывать семью, в Конституции Северной Македонии (ст. 41) – право на свободное принятие решения о рождении ребенка. Согласно ст. II Основного Закона Венгрии каждый имеет право на жизнь и человеческое достоинство, жизнь зародыша защищается с момента зачатия, в ст. III установлен запрет евгенической практики, направленной на отбор людей, использование человеческого тела или его частей как источника наживы, а также клонирование человека. Такого рода примеры полезны для учета в процессе национального развития.

В юридической литературе соматические права и свободы в качестве совокупности прав и свобод стали выделять во второй половине XX в. Термин «соматический» (от древнегреческого «soma» – тело), обычно используемый в медицине и биологической науке, означает связанный с телом, телесный.

Основная часть. Не все соматические права относятся к категории абсолютных, они могут быть ограничены. Проблема заключается в интерпретации существующих правил. При этом важно обеспечивать конституционную законность. В случае установления ограничений прав и свобод следует руководствоваться такими стандартами, как объективная необходимость введения ограничений, исключение дискриминации, соблюдение допустимых пределов ограничений и др. Конституции Российской Федерации и Республики Беларусь, международные правовые акты признают правомерными ограничения прав и свобод граждан, которые обусловлены особенностями правового статуса отдельных категорий граждан либо необходимостью защиты интересов общества, защиты прав и свобод других лиц. Например, справедливым является подход законодателя, в соответствии с которым устанавливается ответственность за незаконное распространение наркотиков, спиртных напитков.

Согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц; никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону. Это означает, что исключения должны иметь правовую основу [1, с. 23–30], важно точно интерпретировать цели и содержание ограничений [2, с. 4–12], соблюдать правила юридической техники [3, с. 245–253]. Схожий подход изложен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, при этом акцентировано внимание на допустимости ограничения прав в целях защиты не только нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, но и основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При решении спорных вопросов необходимо обеспечивать баланс частных и общественных интересов. В этом направлении развивается и практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), хотя для нее характерна значительная предвзятость при рассмотрении дел в отношении Российской Федерации. Это также стало причиной для выхода Российской Федерации из Совета Европы. Республика Беларусь не состояла в Совете Европы, но в некоторых случаях опыт ЕСПЧ изучался для формирования собственной позиции.

Всеобщая обязательность права не должна подменяться личным усмотрением [4, с. 15–16], важно учитывать баланс интересов. В российской информационной правовой системе «Консультант Плюс» словосочетание «баланс интересов» использовано в актах ЕСПЧ более 400 раз. В Беларуси в международных договорах, участницей которых она является, а также в некоторых нормативных правовых актах используется этот важный принцип, но чаще речь идет об интересах отдельных участников отношений. В Беларуси и Российской Федерации, как и во многих странах романо-германской правовой семьи, законодатель идет по пути перечисления прав и свобод. Это не самый экономный путь нормотворческой деятельности, в связи с чем предпочтительным представляется тезис «что не запрещено, то гражданину дозволено». Однако и им следует руководствоваться крайне осторожно. Следует согласиться с мнением А.С. Мордовца, что ограничение прав должно быть направлено на стимулирование социально полезного поведения [5, с. 281]. В ЕСПЧ установлено, что вмешательство в реализацию предусмотренных в ней прав должно не только быть необходимым, но и быть облеченными в соответствующую форму. Согласно ч. 2 ст. 11 данной Конвенции осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. В этом контексте в научной литературе ведется речь об абсолютных правах [6, с. 267]. Реализация соматических прав является проявлением самоопределения человека. Конституционный Суд Венгрии в содержание права на самоопределение включает право на выяснение информации о своем происхождении по анализу крови, право на прерывание беременности, право на физическую неприкосновенность и др. [7, с. 72].

Для англосаксонской системы права характерно широкое понимание термина «закон»: в него включают не только статутное, но и неписаное право [8, с. 252]. В польском праве признана допустимость вмешательства в сферу прав и свобод только посредством закона и исключается делегирование нормотворческих полномочий иному субъекту, в том числе органам исполнительной власти [9, с. 38]. По мнению Н.С. Бондаря, закон является лишь «внешне-формальной стороной верховенства права» [10, с. 112–113], что приемлемо для конституционного правосудия.

Важно установить ограничение тех или иных прав законом, полностью соответствующим требованиям Конституции. В данном случае речь идет о необходимости обеспечения верховенства права [11, с. 90]. В литературе верно подчеркивается, что даже при ограничении права должно быть сохранено его сущностное содержание [1, с. 12]; ограничения должны быть необходимыми и соразмерными [13, с. 67]. Такого же подхода придерживается Конституционный Суд Республики Беларусь¹. Особенно интенсивно и убедительно в части решения вопросов, связанных с ограничением прав и свобод, представлена позиция Конституционного Суда Российской Федерации². Так, высший орган судебного конституционного контроля Российской Федерации подчеркивал необходимость исходить из того, что цели ограничений должны быть не только оправданы юридически, но и социально адекватными достигаемому результату, важно, чтобы они были необходимыми и соразмерными достигаемым целям, а ограничения сохраняют сущность права или свободы. В некоторой степени ограничения сближаются с мерами государственного принуждения [14].

В настоящее время актуальной остается проблема противодействия инфекциям, ранее в том числе коронавирусной инфекции, включая вакцинацию. Пандемия показала хрупкость человеческой цивилизации, изменяет понимание чрезвычайной ситуации, которая превращается в новый, еще не привычный, но обыденный ритм жизни, предполагающий при выходе из дома использование санитарных мер защиты, соблюдение рекомендуемой социальной (точнее – физической) дистанции, ограничение рукопожатий и др. В период необходимости острого противодействия коронавирусной инфекции в Беларуси было принято около 200 актов законодательства, предусматривающих меры против эпидемии коронавируса или заболеваний от этой инфекции. Это преимущественно акты Совета Министров Республики Беларусь и ведомственные акты, в основном Министерства здравоохранения. В контексте требований ст. 23 Конституции Республики Беларусь позитивный характер имеют законы Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Одну из ключевых ролей сыграли постановления Совета Министров Республики Беларусь «О введении ограничительного мероприятия», «О мерах по предотвращению распространения инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19» (утратило силу). Правовой режим поведения различных субъектов в условиях пандемии был

¹ О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них»: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 1 дек. 2020 г. № Р-1231/2020 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «Юр Спектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2026.

² См. например: По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.Г. Одиянкова : Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2005 № 14-П // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2026.

определен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении Санитарных норм и правил». Согласно этому Постановлению лица, находящиеся в самоизоляции в период регистрации случаев инфекции COVID-19, должны соблюдать ряд санитарно-противоэпидемических требований. Анализ указанных актов показывает сбалансированность частных и общественных интересов. Установленные правила (соблюдение масочного режима, рекомендации по гигиене, дистанцированию и др.) нацелены на сохранение здоровья населения. В этих условиях вполне уместно усиление санитарно-эпидемиологического аудита. Изучение прежнего опыта ценно и полезно в связи с тем, что время от времени появляются угрозы новых эпидемий трансграничного масштаба.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к проблеме ограничения прав и свобод граждан в связи с мерами по защите от коронавирусной инфекции (COVID-2019). Свою позицию о допустимости ограничений в условиях пандемии он обосновывал достигаемыми целями, наличием федерального закона, а в некоторых случаях и необходимостью опережающего реагирования даже при отсутствии правового акта, так как при наличии реальной угрозы жизни и здоровью граждан орган публичной власти не может бездействовать, на нем лежит обязанность предотвращать наступление смертей и тяжелых заболеваний. В обоснование своей позиции Конституционный Суд также подчеркнул признание верховенства за интересами защиты жизни людей над ценностью правовой регламентации отношений в условиях обычной ситуации³.

Один из наиболее сложных вопросов – вопрос о вакцинации: является ли она добровольной или может быть «принудительной». Полагаем, что решение данного вопроса может зависеть от степени угрозы распространения пандемии. Некоторые авторы предлагают рассматривать вакцинацию, как деятельность, создающую повышенную опасность [15, с. 11], что обеспечивает большую защиту лиц, у которых наступили неблагоприятные для здоровья последствия. Приемлемым может быть побуждение косвенным образом к вакцинации. Например, допуск к работе с детьми, обслуживанием, лечением и т.п. может быть разрешен лицам, прошедшим вакцинацию. В некоторых странах более активно побуждают к вакцинации государственных служащих. Конституционный Суд Словении в 2021 году заблокировал решение властей этой страны об обязательной вакцинации лиц, находящихся на государственной службе. Целесообразно урегулировать все эти вопросы на законодательном уровне, в том числе о регулярности антипандемических прививок при оформлении ребенка в детское дошкольное, иное (учебное) учреждение.

Таким образом, в недавнем прошлом произошло формирование антиковидного законодательства и практики его применения. Ряд мер, даже рекомендательного характера, из разряда временных могут трансформироваться в постоянные рекомендации или обязательные для исполнения нормы. Важно, чтобы не только законодатель, но и судебные инстанции оперативно реагировали на новые ситуации, которые неизбежно возникают в связи с ограничениями прав граждан в условиях пандемии. Это может касаться «перевода» многих норм из разряда подзаконных в законодательные, дачи судебных разъяснений порядка применения законодательства. Так, Президиумом Верховного Суда РФ было подготовлено несколько обзоров по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (например, 21 апреля 2020 г.; 30 апреля 2020 г.; 17 февраля 2021 г.). В обзорах даны ответы на многие вопросы, которые касаются прав и свобод граждан в сфере административного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и иного законодательства и влияют на конституционно-правовой статус человека. Такие действия укрепляют конституционную законность, правопорядок, обеспечивают единство правоприменительной практики и тем самым соблюдение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

В научной литературе правильно указывается, что здоровье нации является конституционно значимой целью [16, с. 24]. В доктрине безопасность рассматривают как защищенность от угроз, которые могут уничтожить либо изменить сущность системы [17, с. 9]. В широком понимании под общественным порядком понимают закрепленную различными социальными нормами систему общественных отношений, участники которых обладают правами и обязанностями [18, с. 7]. В рамках данной системы достигаются упорядоченность социальных связей, защищенность прав и свобод, общественное и личное спокойствие [19, с. 7], функционирует закрепленный в Конституции общественный и государственный строй, обеспечивающий благоприятное социальное развитие [20, с. 4]. Исходя из конституционной значимости охраны здоровья, ограничения могут быть обусловлены обязанностью государства бороться с эпидемическими заболеваниями и предупреждать негативные последствия. Интересна практика Конституционного Суда Италии, который при оценке баланса интересов общества и отдельных лиц, имеющих инфекционные заболевания (речь шла об инфицированных ВИЧ), подтвердил право законодательной власти на досрочное освобождение таких лиц, отметив приоритет права. В другом решении, принятом за два десятилетия до нынешней пандемии, он подтвердил конституционность возложенной обязанности для представителей некоторых профессий проходить медицинские осмотры [21, с. 189–190].

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козицына Николая Валентиновича на нарушение его конституционных прав положением пункта 4 Указа Губернатора Архангельской области «О введении на территории Архангельской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Архангельской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и мерах по противодействию распространению на территории Архангельской области новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)»: Определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2021 г. № 1680-О // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2026.

Общественное благосостояние также является целью ограничений [22, с. 9]. С учетом необходимости обеспечения требований, указанных в конституциях, в некоторых случаях могут вводиться ограничения на проведение таких массовых общественных мероприятий, как собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации, пикетирование гомосексуалистов и лесбиянок. В то же время появляются сообщения о запрете в странах Западной Европы и США проведения массовых мероприятий сторонников традиционных ценностей. Такой подход нельзя признать правильным, поскольку такого рода контрдемонстрации, то есть мероприятия, участники которого не согласны со взглядами участников иного мероприятия [23, с. 12.], полезны для сохранения традиционных ценностей.

Логичным является утверждение, что если основные права закреплены в Конституции, то и подходы к их ограничению должны основываться на конституционных положениях [24, с.17]. Ю.А. Тихомиров считает, что ограничение прав и свобод граждан должно осуществляться в соответствии с Конституцией и при эффективном контроле за законностью таких ограничений [25, с. 41]. При этом ограничения прав имеют свои границы [26, с. 12–13], за пределами которых меняется сущность прав, что недопустимо.

Соматические права, как и иные права, являются мерой возможных притязаний. Высказана позиция, в соответствии с которой притязания соматического характера обусловлены физиологией человека, потребностями его тела; в силу указанных факторов свобода пользования соматическими правами не может быть ограничена даже законом, вопрос об этом должен решаться самостоятельно, иначе следует вести речь о насилии над человеческой природой, отсутствии свободы; в данном случае ограничение законом ведет к насилию над индивидуальной природой человека [27, с. 403]. С такой интерпретацией абсолютного характера соматических прав нельзя согласиться, поскольку необходимо разделять права, которые полностью автономны, и права, реализация которых может нанести вред обществу, другим людям. При ограничении прав и свобод важно исключить какую-либо дискриминацию, например, по признаку половой или сексуальной принадлежности. В то же время вполне допустим и справедлив подход, при котором государство более полно защищает традиционные ценности, в таком случае ограничения выступают в качестве мер их защиты [28, с. 85–98]. Разделяем позицию, согласно которой сбережение традиционных ценностей является основополагающим компонентом современной правовой идеологии российского государства, что для противодействия деструктивной идеологии следует повысить эффективность деятельности образовательных, научных организаций, сберечь историческую память [29, с. 10–11]. Аксиологические доминанты определяют самобытность страны [30, с. 26–27], чем, безусловно, следует дорожить. В целом юридические решения, если вести речь об их оптимальности, должны соответствовать критериям законности, эффективности и справедливости [31, с. 211]. В доктрине обращается внимание на принцип соразмерности принимаемых мер по ограничению прав и свобод правомерно достигаемым целям [32, с. 201–214]. При ограничении прав и свобод, объективно обусловленном, осуществленном на основе конституционной нормы, недопустимо «упразднение» права.

Заключение. Принцип соразмерности ограничения соматических прав и свобод является фундаментальной основой для правового регулирования соответствующей области общественных отношений. Одним из сложных является вопрос о пределах ограничения указанных прав, многие из которых не имеют абсолютного характера. Изучение зарубежного и международного опыта в данной области, использование приемлемого для нашей республики полезно для нормотворческой и правоприменительной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суменков С.Ю. Принципы права и исключения в праве: аспекты соотношения // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 23–30.
2. Сулов В.А. Герменевтика права // Известия вузов. Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 4–12.
3. Парламентское право / А.И. Абрамова, В.И. Витушкин, Н.А. Власенко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2013. – 400 с.
4. Вопленко Н.Н. Теоретико-правовое содержание категории «законность» // Принципы законности: современные интерпретации / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. – М.: Проспект, 2021. – С. 11–27.
5. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. высш. шк. МВД РФ, 1996. – 286 с.
6. Харрис Д., О'Бойл Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека / пер. с англ. В.А. Власихин и др.; науч. ред. А.И. Ковлер. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – 1432 с.
7. Сенте З. Толкование Конституции: этические и прагматические аспекты. Комментарий к решению венгерского Конституционного Суда по эвтаназии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 4. – С. 79–83.
8. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека, практика и комментарии. – М.; Budapest, 1997. – 640 с.
9. Чехарина В.И. Основы конституционного строя Республики Польша. – М.: Наука, 2004. – 133 с.
10. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
11. Халлберг П. Верховенство права: перспективы. – Хельсинки: Edita, 2008. – 132 с.
12. Пирбудагова Д. Ш. К вопросу о конституционных пределах ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 12. – С. 14–18.
13. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. – М.: НОРМА, 2008. – 224 с.
14. Правовое регулирование реализации мер государственного принуждения / О.Н. Ковалева, О.Ч. Яковицкий, А.А. Косенко. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2016. – С. 6–12.
15. Вышковарцев В.В., Муслимова А.В. Вакцинация несовершеннолетних: проблемы и пути решения // Медицинское право. – 2023. – № 3(107). – С. 10–14.

16. Пресняков М.В. Здоровье нации и проблема ограничения конституционных прав человека и гражданина в современном законодательстве // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 23–27.
17. Трахимёнок С.А. Безопасность государства: методолого-правовые аспекты. – Минск: БИТ «Хата», 1997. – 192 с.
18. Еропкин М.И., Попов, Л.Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. – Л.: Лениздат, 1973. – 328 с.
19. Лазарев В.В., Попов Л.Л., Розин, Л.М. Правовые основы обеспечения общественного порядка. – М.: Академия МВД СССР, 1987. – 204 с.
20. Гракович О.И. Содержание общественного порядка и основы его обеспечения в Республике Беларусь // Административная деятельность органов внутренних дел (Общая часть): курс лекций / В.Т. Болотников [и др.]; под ред. В.А. Круглова. – Минск, 1995. – С. 3–18.
21. Тобес Б. Право на здоровье. Теория и практика. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 370 с.
22. Масахиро А. Свобода выражения мнения в Японии // Конституционное право и правовая культура в Японии и России: вопросы развития: сб. докл. рос.-япон. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 сент. 2013 г. / Моск. гос. ун-т; пер. с яп. М.В. Яковлева, Ю. Синода; под ред. М.И. Амара. – М., 2014. – С. 8–15.
23. Храмова Т.М. Право на контрдемонстрации: угроза или индикатор уровня демократии? Конституционализм и правовое государство: теория и практика взаимосвязи // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 10–16.
24. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.
25. Российское гуманитарное право: учеб. пособие для вузов / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: ПРИОР, 1998. – 304 с.
26. Границы правового регулирования = Boundaries of legal regulation : науч.-практ. пособие / О.А. Иванюк [и др.]. – М.: Юриспруденция, 2011. – 182 с.
27. Цалиев А.М., Сланов О.Т. Право на телесную, физическую свободу человека в контексте теории соматических прав // Право и политика. – 2008 – № 2. – С. 400–403.
28. Вырлеева-Балаева О.С. Взаимодействие правовых, нравственных, религиозных и иных запретов // Запреты в праве и правовая политика: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько. – М.: РИОР: ИНФРА-М. 2020. – С. 85–99.
29. Савенков А.Н. Философия права в России как идейно теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 7–23.
30. Виноградова Е.В. Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент сакральных и профанных ценностей // Государство и право. – 2023. – №5. – С. 24–31.
31. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 320 с.
32. Карпович Н.А. Развитие доктрины верховенства права в актах Конституционного Суда Республики Беларусь // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права и нормотворчества и правоприменения: материалы междунар. конф., г. Минск, 27–28 апр. 2017 г. – Минск, 2017. – С. 201–214.

Поступила 18.02.2026

THE PRINCIPLE OF COMPARABILITY OF RESTRICTIONS ON SOMATIC RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF NATIONAL, FOREIGN, AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

D. VASILEVICH

(University of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article examines a number of aspects related to the goals, grounds, and limits of the restriction of somatic human rights, i.e., rights related to a person's control over their own body. At the national constitutional level, somatic human rights are not extensively detailed as subjective rights, but they are reflected in current legislation. It is emphasized that not all somatic rights are absolute and can be limited, and the challenge lies in interpreting existing rules. It is crucial to ensure constitutional legality. When imposing restrictions on rights and freedoms, the following standards should be followed: the objective necessity of imposing restrictions, the exclusion of discrimination, and compliance with the permissible limits of restrictions.

Keywords: *somatic rights, restriction of somatic rights, purposes, grounds, and limits of restriction of rights.*